

Островок был маленький, весь поросший высокою травой и имел издали вид плавающей среди голубого озера пирамидальной корзинки зелени. За исключением нескольких пучков широких, тенистых *манго* и смоковниц, на которых при нашем появлении страшно засуветилась целая колония обезьян, он был, по-видимому, необитаем. В этом девственном лесу густейшей травы нигде не было заметно и следа ноги человеческой. Читая слово «трава» и здесь не следует забывать, что я говорю об *индийской* траве, а не о европейском подстриженном под гребенку газоне и даже не¹ о *русской* траве: трава, под которою мы стояли, как букашки под лопухом, высоко разведала свои перистые, разноцветные вершины не только над нашими головами, но даже и над белыми *пэггери*² Такура и Нараяна: первый из коих стоял, по общеупотребительному английскому выражению, «шесть с половиною футов³ в чулках»⁴, а второй был разве на⁵ вершок⁶ ниже. Эта трава показалась нам с паром тихо волнующимся морем черных, белых, желтых, голубых, преимущественно же⁷ розовых и зеленых цветов. Выйдя на берег, мы нашли, что то был большею частью обыкновенно растущий отдельными группами бамбук, перемешанный с гигантскою травой *сирки*, потрясающе разноцветными перьями своих верхушек почти в уровень с манговыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себе представить что-либо красивее и грациознее *сирки* и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но все же не⁸ более как травы, начинают при малейшем дуновении ветерка развеять в воздухе свои зеленые головы, словно разукрашенные страусовыми перьями⁹. От пяти, часто до восьми вершков¹⁰ в диаметре у корня, каждый ствол тростника вырастает от 50 до 60 футов¹¹ в высоту с коленами на расстоянии двух, трех футов¹² одно от другого, каждое с густою бахромой длинных тонких листьев. От времени до времени, при каждом порыве ветра, слышался легкий металлический шелест в тростнике; но в хлопотах устраиванья ночевки мы не обратили на это особого внимания.

Пока наши *кули* и слуги возились, приготовляя нам ужин и палатку, да прочищали кругом дорогу, мы пошли познакомиться с обезьянами. Уморительнее мы еще ничего не встречали. Без преувеличения их было штук до 200. Собираясь на покой, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себе ветку и защищало ее от нападения других квартирантов на дереве, но защищало без сражения, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Между ними было немало матерей с младенцами на руках; некоторые из них нянчили детеныша нежно и осторожно со всеми свойственными¹³ людям приемами; другие, выбирая ветку, перескакивали с одного дерева на другое с ребенком, повисшим на конце материнского хвоста; третьи бегали на четвереньках с прицепленными к животу наследниками, чего-то суетясь, о чем-то толкуя и поминутно останавливаясь для перебранок, – картина ссорящихся на базаре кумушек животного царства. Холостяки предавались вечернему увеселению – гимнастике на ветках на самом кончике хвоста. Мы заметили одного, разделявшего забаву между *sauts périlleux*¹⁴ и надоеданием почтенному деду, который важно сидел под деревом, обняв двух маленьких обезьян. Раскачиваясь, он бросался на него со всего размаху, корчил рожи, кусал его за ухо и стрекотал во все горло... Мы переходили от одного дерева к другому осторожно и тихо, боясь их спугнуть. Но

¹ В «Московских ведомостях»: газоне или даже.

² В «Московских ведомостях»: *пэггери*.

³ 1,98 м.

⁴ Отсылка к английскому выражению «he stands six feet in his stocking» («он шести футов росту в чулках»).

⁵ В «Московских ведомостях» далее: один.

⁶ 4,45 см.

⁷ В «Московских ведомостях»: голубых, но преимущественно.

⁸ В «Московских ведомостях»: ничего.

⁹ В «Московских ведомостях»: зеленые, будто разукрашенные в страусовые перья головы.

¹⁰ 22–35 см.

¹¹ 15–18 м.

¹² 0,6–0,9 м.

¹³ В «Московских ведомостях»: всеми столь привычными.

¹⁴ *опасными прыжками* (фр.).

видно, что много лет, проведенных с факирами (которые очистили остров только в прошлом году), приучили обезьян к людям. То были священные обезьяны, как мы узнали, и они не проявляли ни малейшего страха при нашем приближении. Они допускали нас совсем близко и, приняв приветствие, а некоторые так и кусочек сахарного тростника, смотрели на нас с высоты своих древесных тронов спокойно, чопорно скрестив ручки и даже с некоторым важным презрением в умных, карих глазках.

Но вот зашло солнце, и все мигом всполошилось на деревьях. Нас стали звать ужинать. *Бабу*, преобладающею страстью коего было (по понятиям ортодоксальных индусов) «покошунствовать», залез на дерево, откуда, перенимая все позы и жесты своих соседей, к благочестивому ужасу наших *кули*, отвечал на угрожающие гримасы обезьян еще безобразнейшими; затем он спрыгнуть с ветки и заторопил нас «домой».

С последним исчезнувшим за горизонтом золотым лучом вся окрестность будто разом подернулась светло-фиолетовою прозрачною дымкой. С каждою минутой сгущались тропические сумерки: постепенно, но быстро утрачивали они свой мягкий, бархатистый колорит, делались все темнее и темнее. Словно невидимый живописец накладывал¹⁵ на окружающие нас леса и воды одну тень за другою, тихо, но непрерывно работая гигантскою кистью своей по чудным декорациям на фоне нашего островка... Уже слабые фосфорические огоньки зажигались вокруг нас: блистая против черных древесных стволов и величественных бамбуков, они исчезали на ярко-перламутровых, серебристых просветах вечернего неба... Еще минуты две-три и тысячи этих волшебных живых искр, предвестники царицы ночи, запылали, заиграли кругом, то вспыхивая, то потухая, сыплясь огненным дождем на деревья, кружась в воздухе над травой и над темным озером... А вот и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступает в свои верховные права. С ее приближением все засыпает, все успокаивается; под ее прохладным дыханием утихает вся деятельность дня. Как нежная мать, она убаюкивает природу, бережно окутывая ее своим легким, черным покровом, а усыпив, стоит настороже над усталыми, дремлющими силами до первой зари...

Все спит в природе; не спит в этот торжественный вечерний час один человек. Не спали и мы. Сидя вокруг костра, мы разговаривали почти шепотом, словно боялись пробудить эту уснувшую природу. У*** и мисс Б*** давно улеглись, да их никто и не удерживал. А мы, то есть¹⁶ полковник, четыре индуса да я, забившись под эту пятнадцатисаженную¹⁷ «травку», не могли решиться проспать такую чудную ночь. К тому же мы ожидали обещанного нам Такурором «концерта».

– Имейте терпение, – говорил нам Гулаб-Лал-Синг, – пред восходом луны явятся и наши музыканты...

Месяц всходил поздно, почти в десять часов ночи. Пред самым его появлением, когда уже воды озера стали бледнеть на другом берегу, а небосклон заметно светлел, постепенно переходя в серебристо-молочный¹⁸ цвет, вдруг засвежело и поднялся ветерок. Забурлили было уснувшие волны, заплескались и зашуршали они у подножия бамбуков, и затрепетали кудрявые вершины великанов, зашептали, будто передавая друг другу приказания... Вдруг, среди общего молчания, мы услышали те же самые странные музыкальные звуки, какие подслушали¹⁹ подъезжая к острову на пароме. Словно со всех сторон вокруг нас и даже над головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты чрез²⁰ две, с новым порывом прорывающегося сквозь бамбук ветра, раздались по всему острову звуки, как бы сотен золотых арф²¹... И вот разом началась дикая, странная, неумолкающая симфония!..

¹⁵ В «Московских ведомостях»: намазывал.

¹⁶ В «Московских ведомостях»: т.е.

¹⁷ 32 м.

¹⁸ В «Московских ведомостях»: серебристо-молочный.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: какие уже подметили.

²⁰ В «Московских ведомостях»: через.

²¹ Эолова арфа, также воздушная арфа – инструмент типа цитры, звучащий благодаря колеблющему струны ветру, названа в честь Эола, мифического повелителя ветров. Музыкальным инструментом в строгом смысле слова эолова арфа не является, так как не требует участия музыканта-исполнителя. Состоит из резонатора – узкого деревянного ящика с отверстием, внутри которого натянуты струны. Количество струн (обычно от 4 до 12, иногда 24

Она гудела по окружающим озеро лесам, наполняла воздух невыразимую мелодией, очаровывала даже наш избалованный европейский слух. Грустные, торжественны были ее протяжные²² ноты: они то плавно звучали похоронным маршем, то вдруг перейдя в дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудели словно сказочные гусли-самогуды и, наконец, с протяжным вздохом замирали... Здесь они напоминали²³ протяжный вой: заунывный, грустный, как вой осиротевшей волчицы, утратившей детенышей; там – они звенели, как турецкие колокольчики, звучали веселою, быстрою тарантеллой; далее раздавалась заунывная песнь, будто человеческого голоса, неслись плавные звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом... А всему этому вторило из лесу со всех четырех сторон насмешливое эхо, будто голос сотни²⁴ аукающих леших, внезапно разбуженных в своих зеленых дубравах, откликающихся на призыв этого дикого музыкального шабаша!..

Полковник и я переглядывались, обезумев от удивления. «Что за прелесть! Что за чертовщина!..» – раздались, наконец, в унисон наши два восклицания. Индусы посмеивались и молчали; Такур покуривал свой *гэргэри* так же безмятежно, как если б он внезапно оглох. Но вот после минутного интервала и пока у нас невольно мелькал в голове вопрос: «Уж не волшебство ли опять какое?» – невидимый оркестр разыгрался, расходился пуще прежнего и на минуту совершенно нас было оглушил. Полились звуки, понеслись словно неудержимую волной в воздухе и снова приковали наше внимание. Ничего и никогда не слышали мы подобного этому непонятному для нас диву... Слышите? Будто буря на море, свист ветра в снастях, гул бешеных, опрокидывающих друг друга волн! Снежная в глухой степи метель и вьюга...

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя!²⁵

А вот загремели величественные ноты органа... Его могучие звуки то сливаются, то расходятся в пространстве, обрываются, перемешиваются, путаются, как фантастическая мелодия во время лихорадочного сна, – музыкальное видение, вызванное завыванием и визгом ветра на дворе.

Но чрез несколько минут эти вначале²⁶ чарующие слух звуки начинают будто ножом резать мозг. И вот нам представляется, будто пальцы незримых артистов бряцают уже не по невидимым струнам, дуют не в заколдованные трубы, а скрипят по нашим собственным нервам, вытягивают жилы и затрудняют дыхание...

– Ради Бога, перестаньте, Такур! Довольно, довольно!.. – вопит полковник, затыкая обеими руками уши. – Гулаб-Синг... прикажите им перестать!..

При этих словах трое индусов покатываются со смеху, и даже сфинксообразное лицо Такура озаряется веселою улыбкой...

– Честное слово, вы меня, кажется, не шутя принимаете, если не за великого Парабраму, то, по крайней мере, за какого-то гения, за Марута²⁷, владыку ветра и стихий, – говорит он нам, весело смеясь. – Да разве в моей власти остановить ветер или мгновенно вырвать с корнем весь этот бамбуковый лес?.. Просите чего-нибудь полегче!..

– Как остановить ветер? Какой бамбук?.. Разве мы это слышим не под психическим влиянием?..

– Вы скоро помешаетесь на психологии и электро-биологии, мой дорогой полковник. Никакой тут нет психологии, а просто естественный закон акустики... Каждый из окружающих

или 48) произвольно. Струны одинаковой длины, но различной толщины и степени натяжения обычно настраиваются в унисон; при колебании они издают не только основной тон, но и обертоны, так что общий диапазон эоловой арфы оказывается довольно значительным. Чем сильнее ветер, тем более высокие обертоны слышны. При слабом дуновении ветра звучание эоловой арфы легкое и нежное, при порывах – резкое и громкое.

²² В «Московских ведомостях»: медленные.

²³ В «Московских ведомостях»: Здесь их подхватывал.

²⁴ В «Московских ведомостях»: сотней.

²⁵ Слова из стихотворения А.С.Пушкина «Зимний вечер».

²⁶ В «Московских ведомостях»: эти сперва столь.

²⁷ Маруты – в ведийской и индуистской мифологии божества бури, ветра, грома и молнии.

нас бамбуков, – а их ведь несколько тысяч на острове, – скрывает в себе природный инструмент, на котором наш всемирный артист, ветер, прилетает пробовать свое искусство после солнечного заката, особенно в последнюю четверть луны.

– Гм! Ветер?.. Да... Но ведь это начинает переходить в ужасный шум... Очень неприятно... Как бы этому помочь? – осведомляется наш немного сконфуженный президент.

– Уж, право, не знаю... Ничего, чрез²⁸ пять минут вы к нему привыкнете, отдыхая в те промежутки, когда ветер минутами затихает...

И вот мы узнаем, что таких природных оркестров много в Индии; что они хорошо известны браманам, которые называют этот тростник *vīna-devi* (гитарой богов) и, спекулируя народным суеверием, выдают эти звуки за *божественные* оракулы. К этой особенности тростника²⁹ факиры идолопоклоннических сект прибавили и собственное искусство. Вследствие этого остров, на котором мы находились, считается особенно священным.

– Завтра утром, – говорил нам Такур, – я вам покажу, с каким глубоким знанием всех правил акустики наши факиры просверлили различных величин дыры в тростниках. Смотри по объему ствола, в каждом колене этих пустых трубок они увеличивают выеденные жучками отверстия, придавая им то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими природные инструменты можно по справедливости смотреть как на превосходнейшие образцы применения механики к акустике³⁰. Впрочем, удивляться тут нечему: наши древнейшие санскритские книги о музыке подробно описывают эти законы, упоминая о многих ныне не только забытых, но даже совершенно неизвестных нам инструментах... А теперь, если³¹ это слишком близкое соседство распевшегося тростника беспокоит ваши нежные уши, я вас, пожалуй, поведу на поляну у берега – подальше от нашего оркестра. После полуночи ветер стихнет и вы уснете спокойно... А пока пойдемте посмотреть, как загораются «священные костры». Как только окрестные жители слышат далекие голоса «богов» в тростниках, они тотчас же начинают сходитьсь целыми деревнями на берег, зажигают костры и совершают «пуджу» (поклонение острову).

– Но неужели же браманы в состоянии поддерживать такой очевидный обман? Ведь самый глупый человек и тот должен, наконец, догадаться, кем и как просверлены тростники и отчего происходят звуки!.. – осведомляется удивленный полковник.

– У вас в Америке – быть может, но никак не у нас в Индии. Покажите даже и полуобразованному туземцу, как это сделано, расскажите и объясните... На это он вам ответит, что он и без вас знает, что эти дыры просверлены жуком и увеличены факиром. Но что же из этого? То не простой жучок сверлил, а *воплотившийся в насекомое с этой целью один из богов*, а факир, святой мученик, действовал по приказанию этого бога. Вот все, чего вы от нас добьетесь. Веками въевшийся в массы народа фанатизм и суеверие сделались как бы необходимою частью его физиологических потребностей. Искорените в нем это чувство и у него откроются сами собою глаза и он узрит истину, но не прежде. Что же касается браманов, то счастлива была бы Индия, если б эти вековые плуты не делали ничего худшего... Пусть себе народ поклоняется музе и духу гармонии, это еще не страшно.

В Дехра-Дене³² (рассказывал нам *бабу*) такие бамбуки посажены с обеих сторон центральной улицы и тянутся более чем на милю. За зданиями ветер не может свободно действовать и потому звуки слышатся лишь в вечера, когда он дует с востока, что бывает чрезвычайно редко. Но в прошлом году, когда наш суами Дайананд прибыл на летнюю кочевку и его осаждала каждый вечер толпа последователей, бамбуки, как раз после его проповеди, в которой он громил суеверие, вздумали распеться. В это самое время утомленный продолжительною проповедью и немного нездоровый суами опустился на ковер и, закрыв глаза, сидел неподвижно. Толпа вообразила тотчас же, что душа суами, покинув тело, вошла в тростники и из них ведет разговор с богами.

---

²⁸ В «Московских ведомостях»: через.

²⁹ На этот род бамбука постоянно нападает маленький жучок, который пробуравливает в очень скором времени большие дыры в совершенно пустом стволе тростника, где и задерживается ветер. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁰ В «Московских ведомостях»: образцы примененного к акустике механического искусства.

³¹ В «Московских ведомостях» далее: только.

³² Дехрадуне (*англ. Dehra Dun*).

Многие, желая изъяснить тем свое благоговение учителю и, вероятно, доказать, в какой полноте восприняли они его учение, бросились творить пред напевавшим тростником «пуджу»...

– И что ж суами... Что он сказал на это?..

– Ничего не сказал... Вы его, видно, еще не знаете. Не говоря ни слова, он вскочил и, сломав первую бамбуковую трость по дороге, задал ею *пуджникам* такой «европейский *бакшиш*»³³ по спицам, что толпа мгновенно разбежалась. А суами, беспощадно колотя почему ни попало, гнался за ними целую милю, затем плюнул и уехал далее. Он ужасный силач наш суами и разговаривать долго не станет, – смеялся *бабу́*.

– Но ведь таким образом вместо того, чтоб обратить их на путь истины, он только разгоняет толпу? – заметил полковник.

– Вот и выходит, что вы наш народ знаете так же мало, как и вашего союзника-суами... Не успел он прибыть в *Патну*³⁴ (местечко в 35 или 40 милях от Дехра-Дена), как толпа человек в 500 привалила депутацией от города, кланяясь ему в ноги и умоляя вернуться. Между главными просителями были те, у кого вся спина оказалась в синяках. Они привезли суами назад с самыми торжественными церемониями на слоне, усыпая всю дорогу цветами... Он тотчас же устроил *самаджу* (общество), и в этой «Ариа-самадже» Дехра-Дена теперь двести членов, которые навсегда отказались от идолопоклонства и суеверия.

– А при мне, – рассказывал Мульджи, – он в Бенаресе два года тому назад разбил палкой до ста идолов на базаре и поколотил брамана. Последнего он вытащил из-за просверленной спины огромного идола Шивы, из-за которой тот вел разговор за своего бога, требуя денег на новую одежду для Шивы...

– И не поплатился он за это?

– Браман потребовал его в суд, но явилось столько заступников за него, что судья был принужден его оправдать, присудив лишь заплатить штраф за разбитых идолов. Одно нехорошо: браман в ту же ночь умер от холеры, и противники суами громко кричали, что он умер вследствие *джаду* (колдовства) Дайананда Сарасвати.

– А вы, Нараян, знаете что про суамиджи?.. Принимаете ли вы его за своего «гуру»? – спросила я.

– У меня один *гуру* и один бог на земле, как и на небе, – нехотя ответил Нараян, – и никогда не будет другого...

– Кто же этот *гуру* и кто ваш бог?.. Тайна разве?..

– Такур-саиб, конечно!.. – огорошил его *бабу́*. – Оба у него сливаются воедино...

– Ты говоришь глупости, *бабу́*, – холодно заметил Гулаб-Синг. – Я не признаю себя достойным быть чьим бы то ни было *гуру*, тем менее богом. Прошу тебя не кощунствовать. Но вот мы и пришли. Сядем здесь на берегу, – добавил он, указывая на принесенные ковры и явно желая замять разговор³⁵.

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шагов за двести, триста от бамбукового леса. Теперь звуки волшебного оркестра доносились до нас слабо и урывками. Мы сидели против ветра и они долетали лишь как полный гармонии шепот, совершенно уже напоминая тихое пение золотой арфы и не имея в себе более ничего неприятного или резкого. Напротив, эти звуки придавали еще более поэтический колорит³⁶ этой сцене.

Мы расселись на разостланных для нас коврах, и от усталости, так как я была на ногах с четырех часов утра, мною сильно овладевал сон. Мущины продолжали разговаривать о суами и о «пудже», а я крепко задумалась и мало-помалу, как это всегда случается, разговор стал долетать до меня лишь урывками...

---

³³ Удар тростью здесь зовется народом «европейский бакшиш» или «бамбуковый бакшиш»; последнее слово в повсеместном употреблении в Азии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Бакшиш (*перс.* bakhshīsh) – чаевые, пожертвование.

³⁴ Патну (*англ.* Patna).

³⁵ В «Московских ведомостях» фрагмент текста «Но неужели же браманы в состоянии... явно желая замять разговор» отсутствует.

³⁶ В «Московских ведомостях»: еще сильнейший колорит поэзии.

– Проснитесь!.. – расталкивал меня полковник. – Вот Такур говорит, что вам не следует засыпать под лунным светом...

Совсем я не засыпала, хотя, действительно, сон сильно одолевал меня, а³⁷ просто задумалась. Но я даже и не отвечала, до такой степени лень овладевает человеком под подобным небом...

– Да ради Бога, проснитесь же! – надоедал мне полковник. – Вы только взгляните на эту луну... на картину вокруг нас. Видали ли вы что-либо великолепнее этой панорамы? Смотрите...

Вот взошла луна золотая³⁸...

завертелось у меня в голове. Воистину, то была «луна золотая». В³⁹ эту минуту она испускала целые потоки золотистого света, обливала каскадами волнуемое у наших ног озеро, осыпала на огромное пространство золотую пылью каждую травку, каждую былинку и камешек. Ее желто-серебристый шар быстро скользил вверх по темно-голубому, усеянному мириадами огромных, блестящих звезд небу, сияя над нашими головами. Сколько бы лунных ночей ни пришлось видеть в Индии, всякий раз найдутся новые и неожиданные эффекты... Подобных картин не описывают; их невозможно изобразить ни на полотне, ни словами; их можно только *чувствовать*. Но что за невыразимое величие и красота! В Европе, даже на юге, обыкновенно полная и яркая луна гасит вокруг себя на большое пространство звезды, и наибольшие из них меркнут в ее сиянии. Здесь совершенно напротив: словно громадная жемчужина, осыпанная кругом бриллиантами, катится она по небесному, точно из синего бархата своду. При этом лунном сиянии можно не только читать мелко написанное письмо, но и свободно различать все тени окружающей зелени, что в Европе немыслимо. Взгляните на деревья, на статные пальмы с их раскинутыми веером верхушками во время полной луны! С самой минуты восхода месяца его луч начинает ползти сверкающе серебряною чешуей по обращенной к нему стороне дерева от верхушки все ниже и ниже, пока не зальет всего растения морем⁴⁰ света. Безо всяких метафор вся поверхность листы кажется⁴¹ всю ночь утопающе под переливающимися, дрожащими волнами серебра, в то время как испод⁴² листьев является чернее и мягче черного бархата. Но горе неосторожному новичку,⁴³ горе заглядевшемуся на луну с непокрытой головой смертному! Опасно не только что уснуть, но даже и слишком долго зазеваться на целомудренную индийскую Диану⁴⁴. Припадки падучей болезни, безумие, часто смерть – вот наказания, посылаемые ее коварными стрелами современному Актеону, осмелившемуся лицезреть жестокую дочь Латоны в ее полной красе. Оттого здесь ни днем, ни ночью, ни европейцы, ни туземцы не снимают на дворе своих *топи* и *пэг[з]эри*⁴⁵. Даже наш бабú, прохлаждавшийся целые дни с непокрытой головой под солнцем, надевал ночью во время луны белую шапочку.

Огни, как нам предсказал Такур, зажигались один за другим на материке и давно уже мелькали вдаль черные силуэты поклонников. Их дикие священные песни и громкие возгласы: «Хэрри, Хэрри, Маха-део»⁴⁶, – доносились до нас с того берега громко и отчетливо. А тростники, под напором ветра раскачивая свои стройные стволы, отвечали им нежными музыкальными фразами... Становилось⁴⁷ жутко на душе, чувствовалось какое-то странное опьянение при этой обстановке, и идолопоклонство в этих погрязших в вековом невежестве, но глубоко поэтических

³⁷ В «Московских ведомостях» союз «а» отсутствует.

³⁸ Строка из стихотворения А.С.Пушкина «Ночной зефир...» (1824).

³⁹ В «Московских ведомостях»: золотая; в.

⁴⁰ В «Московских ведомостях»: деревья все выше и выше, пока не окутает всего растения в море.

⁴¹ В «Московских ведомостях»: вся верхняя часть листы кажется во.

⁴² В «Московских ведомостях»: подкладка.

⁴³ В «Московских ведомостях»: новичку!

⁴⁴ Диана – в римской мифологии богиня растительного и животного мира, охоты, женственности и плодородия, родовспомогательница, олицетворение Луны, соответствует греческим Артемиде и Селене. Позднее Диану также стали отождествлять с Гекатой.

⁴⁵ В «Московских ведомостях»: пэггэри.

⁴⁶ Хэрри <В «Московских ведомостях»: Херри> – одно из имен Шивы, а «Маха-део» – великий бог. –
Примечание Е.П.Блаватской.

⁴⁷ В «Московских ведомостях»: Делалось.

страстных натурах являлось менее отталкивающим, казалось понятнее. Индус – прирожденный мистик, а чарующая природа его страны соделала из него ярого пантеиста.

Где-то далеко в лесу заиграла *альгуджа*, род индийской свирели с семью отверстиями. При этих звуках миглом взбудоражилось и встрепелось целое обезьянье семейство, спавшее в листве соседнего дерева. Две-три макашки тихо спустились на землю и стали оглядываться, как бы поджидая кого...

– Это у вас что же за Орфей, чарующий и людей? – осведомились мы.

– Факир, вероятно: *альгуджа* обыкновенно призывает священных обезьян к пище. Некогда жившая на этом острове коммуна факиров теперь переселилась в старую пагоду, неподалеку отсюда в лесу. Там им более поживы от прохожих; оттого они и бросили остров...

– А может оттого, что оглохли, – выразила невинное мнение проснувшаяся и подошедшая к нам, между тем, мисс Б***⁴⁸.

– Кстати⁴⁹ об Орфее, – спросил Такур, – известно ли вам, что лира этого греческого героя-полубога была далеко не первой, которая обладала способностью очаровывать и людей, и зверей, и даже самые реки? Некий китайский «музыкальный артист» (как их зовут в Англии) *Кюи*⁵⁰, живший да тысячу⁵¹ лет до предполагаемой учеными эры Орфея, выражается так: «Когда я играю на моем *кинге*, то все дикие звери сбегаются и, очарованные моею мелодией, строятся в ряды предо мною»...

– Это вы где же читали?

– Мог бы вычитать даже в сочинениях ваших западных ориенталистов, так как это сведение находится и там. Но, собственно, я нашел это в древней санскритской рукописи (перевод с китайского) второго столетия до вашей эры; оригинал же находится в древнем сочинении, известном под именем «Хранитель пяти главных добродетелей» – род хроники или трактата о музыкальном развитии в Китае, написанный по приказанию императора Хоанг-ти⁵² за⁵³ несколько сот лет до вашей эры.

– Да разве китайцы когда что понимали в музыке? – рассмеялся полковник. – Я слышал и в Калифорнии, и в других местах заезжих артистов из Небесной империи... Их музыкальная какофония способна с ума свести человека на месте...

– То же самое многие из вас, западных музыкантов, говорят и про нашу как древне-арийскую, так и современную музыку индусов. Но, во-первых, понятия о мелодии – вещь совершенно условная; а во-вторых, есть большая разница между знанием музыкальной техники и применением этого знания к развитию мелодий, доступных всякому как образованному, так и необразованному уху. В техническом отношении музыкальная пиеса может быть превосходна, а сама мелодия являться вполне непонятною и даже неприятною для непривыкшего к ней уха. Ваши самые известные оперы, например, кажутся нам, индусам, каким-то диким хаосом, каскадом неприятно резких, перепутанных звуков, в которых мы ровно ничего не смыслим, а только получаем, слушая их, головную боль. Я бывал не раз и в Лондонской, и в Парижской опере, слушал Россини⁵⁴ и Мейербера; я желал отдать себе отчет в моих впечатлениях и слушал с величайшим вниманием. Признаюсь, я предпочитаю наши простые туземные мелодии всем произведениям ваших лучших художников в Европе. Первые мне вполне доступны, а вторых я вовсе не понимаю, и они так же мало меня трогают, как и наши национальные напевы вас. Но оставляя всякие «напевы» в стороне, скажу вам, что не только наши предки, но даже и предки

⁴⁸ В «Московских ведомостях»: мнение мисс.

⁴⁹ В «Московских ведомостях»: Говоря.

⁵⁰ Какая случайность! *Кюи* – имя известного петербургского музыканта, только ни звери, ни люди не пляшут под его музыку. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Куй (*англ.* Kui).

Цезарь Антонович Кюи (1835–1918) – русский композитор и музыкальный критик.

⁵¹ В «Московских ведомостях»: 1000.

⁵² Хуан-ди или Желтый император (Huang-ti, Hwang-ti) – легендарный правитель Китая и мифический персонаж, который считается также основателем даосизма и первопредком всех китайцев.

⁵³ В «Московских ведомостях» предлог «за» отсутствует.

⁵⁴ Джоаккино Антонио Россини (1792–1868) – итальянский композитор.

китайцев, конечно, не уступают вам, европейцам, если не в инструментальной технике, то в музыкальной «технологии» и особенно в отвлеченных понятиях о музыке.

– Арийские народы древности, быть может, и не уступают нам, но допустить то же самое в туранской расе китайцев трудно, – спорил наш президент.

– Но музыка природы была везде первою ступеню к музыке искусства. Мы предпочитаем первую и поэтому держимся ее веками. Наша музыкальная система есть величайшее искусство, если – извините этот кажущийся парадокс – избегать всего искусственного; то есть она отвергает в своих мелодиях все звуки, не входящие в реестр *живых* голосов в природе. Китайцы именно этого-то и не делают. Китайская система, например, содержит в себе восемь⁵⁵ главных звуков, служащих как бы камертоном для всех других, происходящих от главного звука тонов, которые и классифицированы⁵⁶ под именами их родоначальников. Эти восемь⁵⁷ звуков суть: *металл, камень, шелк, бамбук, тыква, глиняная посуда, кожа, дерево*. Поэтому у них являются: металлические, деревянные, глиняные, тыквенные, кожаные, каменные, бамбуковые и деревянные тоны. Таким образом, и мелодии у них не может быть никакой, а выходит один сумбур: их музыка состоит из перепутанных серий отдельных нот. Их императорский гимн, например⁵⁸, есть ряд одних длинных, бесконечно вытягиваемых звуков в унисон. Но у нас все своеобразно и самобытно; мы, индусы, обязаны нашею музыкой одной живой природе, а не неодушевленным предметам. Мы, в высшем значении этого слова, пантеисты; поэтому и музыка наша, так сказать, *пантеистическая*. Но вместе с тем она и в высшей степени научная. С самой колыбели человечества арийские народы, вышедшие первыми из младенчества, стали прислушиваться к голосам природы и нашли, что обе, мелодия и гармония, соединяются лишь в одной нашей великой матери. В ней нет ни фальшивых, ни искусственных нот, и вот человек, венец ее создания, пожелал подражать ее звукам. В совокупности все эти звуки (по единодушному показанию ваших же физиков) сливаются в *один тон*, который мы слышим, когда умеем прислушиваться, в неумолкаемом шелесте листвы больших лесов, в журчании вод, в реве океана и бури и даже в отдаленном гуле больших городов. Этот тон – средний F – основной тон во всей природе. В наших мелодиях он нам служит исходною точкой, которую мы воспроизводим с первой ноты и вокруг которой группируются все прочие. Заметив, что верхние, нижние и средние ноты имеют каждая своего типического представителя в животном царстве; что козел, павлин, бык, попугай, лягушка, тигр, слон и т.д. имеют, каждый из них, свою особенную ноту, наши предки стали прислушиваться и нашли, что всякая из этих нот соответствует одному из *семи главных тонов*. Так была открыта и основана *октава*. На подразделения же и размер их навели сложные звуки тех же животных.⁵⁹

– О вашей древней музыке, – ответил полковник, – и о том, изобрели ли что в музыке ваши предки или нет, я, конечно, ничего не знаю. Но, признаюсь, слушая пение ваших современных индусов, я никак бы не мог заподозрить их в знакомстве с какою бы то ни было музыкой.

– Это потому, что вы еще никогда не слышали настоящего певца. Поезжайте в Пуну и посетите «Гайан-Самадж»⁶⁰ и только тогда мы возобновим этот разговор. До тех пор напрасно спорить...

– Музыка древних арийцев, – внезапно вмешался бабу за честь своей родины, – растение допотопное и почти исчезнувшее из Индии, но все же достойное полного внимания и изучения. Это вполне доказано теперь моим соотечественником, раджой⁶¹ Сурендронаф-Тагором⁶², который,

⁵⁵ В «Московских ведомостях»: 8.

⁵⁶ В «Московских ведомостях»: классифицированы.

Фр. classifier.

⁵⁷ В «Московских ведомостях»: 8.

⁵⁸ В «Московских ведомостях»: напр.

⁵⁹ В «Московских ведомостях» далее: Мангус <Мангус – фараонова крыса в Египте. Он величиною с зайца. – *Примечание Е.П.Блаватской*>, например, кричит в полтакта, некоторые птицы выкрикивают в целый и даже двойной такт, козел выделяет трели, павлин кричит дискантом и т.д.

Мангуст (*англ. mongoose*).

⁶⁰ По всей Индии устраиваются теперь музыкальные общества для возрождения национальной древней музыки. Одно <В «Московских ведомостях»: одна> из них Гайан-самадж (*Gaian-Samaj*) в Пуне. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁶¹ В «Московских ведомостях»: бабу.

по сознанию лучших музыкальных критиков Англии, твердо установил права древней Индии «считаться матерью музыкальной науки». Каждая школа – итальянская⁶³, немецкая и древнеарийская – родилась в свой особенный период, развилась в своем исключительном климате и при совершенно различной обстановке. И как всякая из этих школ имеет свою особенность, а для своих последователей и прелесть, так и наша школа не представляет собою исключения. Только в то время как вы, европейцы, приучены к мелодиям Запада и хорошо знакомы с вашими школами, наша музыкальная система, как и многое что другое в Индии, вам еще совершенно неизвестна. Поэтому осмеливаюсь заявить, что вы, полковник, и судить о ней не имеете права...

– Не горячись, бабú. Всякий имеет право если не судить, то расспрашивать о незнакомом ему предмете, иначе он никогда и не узнает истины... Если бы, – продолжал Такур, – музыка индусов принадлежала (как говорит бабú) к столь же мало отдаленной от нас эпохе, как и европейская, соединяя в себе притом, как последняя, все выработанные в разные эпохи и различными музыкальными системами достоинства, то, быть может, знатоки и поняли бы и лучше оценили бы ее. Но наша музыка принадлежит к доисторическим временам. За исключением разве древних египтян (которые, если судить по двадцатиструнной арфе, найденной Брюсом⁶⁴ в одной из фивских гробниц, были тоже посвящены в музыкальные таинства гармонии), мы, индусы, являемся единственным знакомым с музыкой народом в те еще времена, когда все другие нации на земном шаре боролись со стихиями за одно право своего существования. Мы обладаем сотнями санскритских рукописей о музыке, никогда еще не переведенных даже и на туземные языки. В глубокую древность этих трактатов (от 4000 до 8000 лет) мы, индусы, несмотря на все отрицательные доводы ваших ориенталистов, вполне верим и будем упорствовать в этой вере, ибо мы их читали и изучали, а европейские ученые их пока и в глаза не видали. Таких трактатов, написанных в разные и самые отдаленные эпохи, у нас много и все они согласуются в своих показаниях, доказывая нам яснее дня, что *в Индии музыка была уже известна и приведена в систему, когда современные цивилизованные нации жили еще на западе Европы как дикие племена*. Но все это не дает нам, однако, права требовать, чтобы вам, европейцам, нравилась наша музыка, к которой не приучены ваши уши и духа коей⁶⁵ вы неспособны пока еще понять... Мы можем до некоторой степени объяснить вам ее технику, дать вам некоторое понятие о ней как о науке, но создать в вас то, что арийцы⁶⁶ называли *ракти*, или способность человеческой души воспринимать и очаровываться совокуплениями различных звуков в природе – альфа и омега нашей музыкальной системы, никто не может, как не могут заставить и нас упиваться мелодиями Беллини⁶⁷.

– Но почему же? – горячился полковник. – И что это за тайная сила такая в вашей музыке, которую способны понять одни вы, азияты? Если мы с вами разнимся в цвете кожи, то ведь зато наш органический механизм один и тот же. Другими словами, та физиологическая конструкция костей, крови, нерв[ов]⁶⁸, жил и мускулов, из которой состоит индус, имеет столько же частей, связанных одна с другою по совершенно такому же плану или модели, как и живой механизм, известный под именем американца, англичанина или всякого другого европейца. Оба, являясь на свет из одной и той же мастерской природы, имеют одно начало, как один и тот же конец; физиологически, говоря, мы дубликаты друг друга...

---

⁶² Раджа Сурендронаф-Тагор – доктор музыки, кавалер великого множества почетных орденов, между прочим <В «Московских ведомостях»>: Доктор Сурендронаф-Тагор – кавалер нескольких почетных орденов, от короля Португальского и императора Австрийского за свое сочинение «О музыке арийцев <В «Московских ведомостях»>: ариан>». – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Суриндо Мохун Тагор (Sourindramohan Tagore, 1840–1914) – индийский музыковед, основатель Бенгальского музыкального общества (1871) и Бенгальской академии музыки (1881), усовершенствовал индийскую систему нотации.

⁶³ итальянская (*устар.*).

В «Московских ведомостях»: итальянская.

⁶⁴ Джеймс Брюс (1730–1794) – шотландский путешественник и писатель.

⁶⁵ В «Московских ведомостях»: которой.

⁶⁶ В «Московских ведомостях»: арияне.

⁶⁷ Винченцо Беллини (1801–1835) – итальянский композитор.

⁶⁸ В «Московских ведомостях»: нервов.

– Физиологически – да, и даже психологически, если бы только не вмешивалось между нами воспитание, которое, что ни говори, выворачивает природу человека в ту или другую сторону, изменяя не только умственное, но и душевное направление его: в иных случаях совершенно погашая в нем божественную искру, в других – раздувая и даже превращая ее в неугасимый маяк, служащий путеводною звездой его умственных способностей на⁶⁹ всю жизнь.

– Так. Но все же это едва ли может иметь такое сильное влияние на физиологию уха.

– Ошибаетесь опять. Если в физическом или, скорее, в физиологическом отношении рассматриваемый⁷⁰ как человеческая машина индус ничем не различается от европейца, то, вследствие своего совершенно своеобразного воспитания, в умственном и психическом, особенно в психическом отношении, оба диаметрально отличаются один от другого, представляя⁷¹ как бы два различные вида в природе. Вспомните лишь, насколько цвет лица, сложение, способность к произрождению, жизненность и все наследственные качества чисто физических отправлений изменяются со временем вследствие климатических условий, пищи и обиходной обстановки человека (новейшая научная маска ваших материалистов, если не ошибаюсь, для удобнейшего игнорирования более отвлеченных тайн бытия), и вы получите ответ на ваш вопрос. Примените этот самый закон постепенного перерождения уже не к физическому, а чисто психическому элементу в человеке и вы узрите те же результаты. Изменяя воспитание души, вы изменяете ее способности. Там, где она прежде наслаждалась, усматривая нечто вполне недоступное иначе воспитанной душе, она уже не чувствует ничего, кроме скуки, и пред нею является один хаос... Вы, например, верите, – и верите лишь на основании доказанного вековым опытом⁷², – что гимнастика, укрепляя мускулы, не только развивает тело человеческое, но и способна как бы переродить его; мы же, индусы, идем одною ступенью выше: мы верим вследствие тысячелетних опытов и объективных демонстраций, что существует гимнастика и для души, как для тела. Это наша тайна, тайна униженных, поработанных одною животною силой индусов, и проникнуть в эту тайну мы не дозволим никому, кроме горсти избранных, но она может быть доказана вам в свое время... Что постепенно одаряет глаз моряка зрением орла, акробата – ловкостью и силой обезьяны, бойца – железными мускулами? Упражнение и один навык, скажете вы. Так почему же не предположить такую же способность и в душе человека, как в его теле? Разве только потому, что современная наука или совсем отвергает душу,⁷³ не допускает и не признает в ней отдельной от тела личности?..

– Полно, Такур. Вы-то уж должны бы знать, что я верю как в душу, так и в ее бессмертие...

– Мы верим в бессмертие *духа*, а не души... Впрочем, это нейдет к делу. Итак, вы должны согласиться, что упражнением всякая дремлющая в душе человеческой способность может быть доведена до высшей точки своей силы и деятельности, равно как вследствие неупотребления и отвычки⁷⁴ каждая такая способность может и заглохнуть, и даже окончательно исчезнуть. Природа так ревнива к своим дарам, что в нашей власти систематически развивать или убивать в наших потомках – и даже в продолжение весьма немногих поколений – какой угодно физический или умственный дар просто вследствие одного упражнения или полного пренебрежения...

– Но ведь этим вы все-таки не объясняете мне тайной прелести ваших национальных мелодий.

– К чему входить в подробности, когда вы сами должны видеть, что мое объяснение есть общий ключ к разрешению не только вашего вопроса, но и мириады других задач? Ухо индуса приучено веками схватывать один род комбинаций слуховых волн или атмосферических вибраций, а ухо европейца привыкло к другому роду; поэтому, где душа первого наслаждается, там душа последнего не чувствует ничего, а уши страдают. Я мог бы на этом и остановиться, так как объяснение кажется столь же просто, как оно и понятно, но желаю пробудить в вас нечто более чувства удовлетворенного любопытства. То, что я вам сказал, разъясняет тайну лишь с ее

⁶⁹ В «Московских ведомостях»: маяк, путеводящий его умственными способностями во.

⁷⁰ В «Московских ведомостях»: взираемый.

⁷¹ В «Московских ведомостях» далее: из себя.

⁷² В «Московских ведомостях»: лишь потому, что это вам доказано вековым опытом.

⁷³ В «Московских ведомостях» далее: или неспособная отличить ее от самого человека.

⁷⁴ В «Московских ведомостях»: как неупотреблением и отвычкой.

физиологической стороны. Оно является столь же понятным, как и факт, что мы, индусы, безнаказанно едим, например, каждый день целыми горстями пряности, от одной крошки которых у вас могло бы сделаться чуть не⁷⁵ воспаление в кишках. Наши слуховые нервы, в начале времен тождественные в своих способностях с вашими, переродились вследствие векового упражнения и сделались столь же отличными от ваших, как и цвет нашей кожи и наши желудки. Прибавьте к этому, что глаз наших кашмирских ткачей, мужчин⁷⁶ и женщин, отличается способностью различать ровно 300 тенями более, нежели глаз европейца, – это по показанию ваших учнейших физиков и лионских фабрикантов, – и всякий поймет, как легко разъяснение кажущейся проблемы. Навык, закон наследия, все что угодно... Но вы, прибыв⁷⁷ из Америки изучать индусов и их религию, никогда не поймете последней, если прежде не научитесь знать, как тесно, как почти неразрывно связаны все наши науки не с современным, конечно, ортодоксальным, невежественным браманизмом, а с философией нашей первобытной религии Вед.

– Но что же, например, музыка имеет общего с Ведами?..

– Многое – почти все. Как то было у древних египтян и китайцев, так и у нас: все звуки в природе, а поэтому и музыка находилась в прямой связи с астрономией и математикой, то есть с планетами, знаками зодиака, с солнечным и лунным течением и с числами, а особенно с тем, в самом существовании чего ваши ученые еще не совсем уверены, с *аказой*⁷⁸, или эфиром пространства. Учение о «музыке сфер» родилось здесь, а не в Греции или Италии, куда его ввез Пифагор лишь по окончании своих занятий⁷⁹ с гимнософистами Индии. И, конечно, лучше кого бы то ни было, и до, и после него, знал этот великий философ – единственный из западных мудрецов, открывший до Коперника и Галилея гелиоцентрическую систему мира, – насколько малейший звук в природе зависит от *аказы* и ее соотношений⁸⁰. Одна из четырех Вед, «Самма Веда»⁸¹, вся состоит из пения. Это – собрание гимнов и *мантр*, петых во время жертвоприношений «богам», то есть стихийным силам. Понятно, что при знакомстве с естествознанием (а наши древние жрецы, если и не были знакомы с естественными науками по новейшим методам химии и физики, зато знали много такого, до чего современные ученые еще⁸² не добрались) жрецы⁸³ подчас и заставляли стихийных «богов», или слепые силы природы, отвечать их молитвам различными знаменами. В этих *мантрах* каждый звук, малейший переход рассчитан и имеет свое значение; а имея причинность, должен иметь, конечно, и свое действие. «Учение о звуке, – говорит профессор Лесли⁸⁴, – есть, бесспорно, самое неуловимое, тонкое и сложное изо всей серии физических наук». А если кто когда уловил в полном совершенстве это учение, то, конечно, это древние «риши», наши философы и святые, оставившие нам в наследство Веды...

– Я теперь начинаю лучше понимать, откуда взялось начало всех мифологических сказок греческой древности, – задумчиво проговорил полковник. – Басни о свирели бога Пана и его «сиринксе»⁸⁵, семи-тростниковой дудке, о фавнах, сатирах и даже о лире самого Орфея... Я знаю, что древние греки имели мало понятия о гармонии и, конечно, не их ритмические декламации в

⁷⁵ В «Московских ведомостях»: у вас чуть не сделалось бы.

⁷⁶ В «Московских ведомостях» далее: как.

⁷⁷ В «Московских ведомостях»: приехавший.

⁷⁸ *акашей* (санскр. ākāśa).

«Акаша (санскр.). Тонкая, сверхчувственная духовная сущность, наполняющая все пространство; изначальная субстанция, ошибочно отождествленная с Эфиром. Но она относится к Эфиру так же, как Дух к Материи, или *атма* к *кама-рупе*. Фактически, она является Всемирным Пространством, в котором неотъемлемо заключена вечная Мыслеоснова Вселенной в ее вечно изменяющихся аспектах на планах материи и объективности, и из которого излучается *Первый Логос*, или выраженная мысль. Это причина того, почему в *Пуранах* указано, что Акаша имеет лишь один характерный признак, а именно, звук, ибо звук есть не что иное, как переведенный символ Логоса – “Речи” в ее мистическом смысле» (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 31).

⁷⁹ В «Московских ведомостях»: Пифагор только по окончании своего учения.

⁸⁰ В «Московских ведомостях»: природе имеет соответствия к *аказе* и ее соотношениям.

⁸¹ «Самаведа» (санскр. sāmaveda).

⁸² В «Московских ведомостях» слово «еще» отсутствует.

⁸³ В «Московских ведомостях»: они.

⁸⁴ Джон Лесли (1766–1832) – английский физик.

⁸⁵ *Сиринкс* (др.-греч. σῦριγξ) – дудка, свирель.

драмах (вероятно, никогда не доходившие даже до высоты современного, самого простого речитатива), поддерживаемые слабою лирой да свирелью Пана, могли когда-либо внушить им мысль о всечарующей лире Орфея. Я сильно начинаю склоняться ко⁸⁶ мнению многих из наших известных филологов и ученых. Подозреваю, что Орфей, – самое имя коего ὄρφος или ὄρφωός, то есть темнокожий, свидетельствует, что даже между смуглыми греками он считался еще смуглее их самих, – выходец из Индии. Таково было мнение Ламприера⁸⁷ и нескольких других...

– Ваше подозрение, быть может, перейдет и в действительность когда-нибудь. Нет никакого сомнения, что самый высокий и чистый из музыкальных стилей древности принадлежит Индии. У нас все наши легенды приписывают магическое влияние музыке как дару и науке, прямо ниспосланным на землю богами. И хотя мы вообще приписываем все искусства небесному откровению, но музыка стоит во главе всех прочих. Изобретение *вины*, инструмента вроде вашей гитары, принадлежит Нараде, сыну Браммы. Вы будете очень смеяться, если я вам скажу, например, что наши древние *удгатри* (певчие жрецы), обязанностью коих было служить при *ядаши*⁸⁸ (жертвоприношении), знали кое-что из еще неведомых тайн естества в таком совершенстве, что посредством известных им комбинаций производили – безо всякого фокуса, заметьте, – явления, которые во времена невежества принимались за проявление сверхъестественной силы. Явления, производимые «удгатри» и «радж-иогами», для посвященных *вполне естественны*, сколько бы они ни казались чудесными непосвященным.

– Но разве вы... совсем, так-таки совсем, не верите в наших духов? – приставала к нему мисс Б***. Она сильно побаивалась Такура.

– Если позволите, *совсем*⁸⁹ не верю.

– А... в медиумов?..

– Еще менее, уважаемая леди. Но в медиумизм, для которого у нас существует испокон века другое название – *бхута-дак*, в буквальном переводе «постоялый двор для чертей»⁹⁰, верю, как и во всякую другую психическую болезнь. О настоящих медиумах сожалею: стараюсь⁹¹ им помочь, когда могу; а шарлатанов глубоко презираю, редко пропуская случай изобличать таких...

Предо мною промелькнула сцена в притоне ведьмы у «мертвого города», катящийся с горы пойманный браман-оракул и бегство старухи. Теперь для меня стало ясно⁹² то, чего я прежде не понимала: Нараян действовал по приказанию Такура...

– Наши *анга-тиене*, – продолжал последний, – или «одержимые» эту неведомую для непосвященного «силой», в которой спириты видят духов, суеверные видят черта, скептики – фокус и обман, а настоящие ученые – не открытую еще наукой силу природы, всегда почти слабые женщины или дети. Вы стараетесь еще более развивать в таких их страшную душевную болезнь, мы же ищем [возможности] спасти их от этой «силы», о которой вы ничего не знаете и о которой поэтому не сто́ит теперь⁹³ рассуждать... Мы, сыны Индии, десять веков находимся в неволе у разных и часто не сто́ящих нас народов... Но покорившие нас нации покорили только наши тела, не нас самих⁹⁴. С нашими душами им никогда не справиться! *Маява-рупа*⁹⁵ настоящего ария –

⁸⁶ В «Московских ведомостях»: к.

⁸⁷ Джон Лемприер (Lemprière, 1765–1824) – английский филолог-классик, лексикограф, богослов, педагог, составитель «Словаря античности, включающего все имена собственные, упомянутые у древних авторов» (1788).

⁸⁸ яджни, ягни (*санскр.* уај́на).

⁸⁹ В «Московских ведомостях»: совсем.

⁹⁰ Слово «дак» – трактир, постоялый двор, а «бхута» – злая душа умершего человека, которой вследствие ее грехов преграждена дорога в *мокшу* – небесную обитель, и которая <В «Московских ведомостях»: она> присуждена скитаться на земле. В философии индусов нет «чертей» или падших ангелов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹¹ В «Московских ведомостях»: сожалею, стараюсь.

⁹² В «Московских ведомостях»: ясным.

⁹³ В «Московских ведомостях» далее: и.

⁹⁴ *Ведантины*, или последователи философской системы *Санкарачарии*, говоря о себе, редко употребляют слово «я», а говорят, например: «это тело пошло», «эта рука взяла» и т.д. во всем касающемся физических или автоматических действий человека. «Я», «он» употребляется ими лишь касательно умственных отправлений. «Я думал», «я желаю идти» и пр. Тело в их глазах – одна шелуха, наружная оболочка внутреннего, невидимого человека, который и есть настоящий «я». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹⁵ «Маява-рупа» буквально – тело иллюзии, или *майи*, настоящий *ego*; «кама-рупа» – тело желания, или *воли*, произвольно созданное нашим сильным желанием (обладающим творческою силой, по понятиям индусов <В

свободна, как сам Брам; скажу более: для нас, в нашей религии и философии, он – наш дух⁹⁶ – и есть сам Брами, выше которого стоит один неведомый, вездесущий и всемогущий дух Парабрамы. Нашей «маявы-рупы» не покорить ни англичанам, ни даже вашим «духам». Ей никогда не быть рабой... А теперь пойдёмте спать.

«Московских ведомостей»: по их понятиям»), – двойник наш, который и является там, куда желание посылает его. При жизни таких внутренних тел у человека-де столько же, сколько в луковице кожиц, – каждое <В «Московских ведомостей»: каждая> нежнее и тоньше и каждое носит <В «Московских ведомостей»: каждая носящая> свое особенное название, как обладающее <В «Московских ведомостей»: обладающая> полную независимость от тела. После-де смерти, когда земной жизненный принцип умирает вместе с телом, все эти внутренние тела соединяются во единое тело и, смотря по заслугам, либо поставлены на столбовую дорогу к *мокше*, на которой до окончательного освобождения от оков материи бесчисленное множество «станций», и тогда такая душа зовется *дева* (божественно); или же она делается *бхута* – злою душой, и мучится на земле между скитанием в невидимом мире и трансмиграцией в разных нечистых животных. В первом случае *дева* не станет общаться с живыми. Единственная нить, связывающая ее с землей, загробная привязанность к тем, кого она любила и над кем она простирает свое влияние и покровительство и после смерти. *Любовь* переживает все другие земные чувства, и *дева* <В «Московских ведомостей»: она> может являться любимым людям во сне или иллюзией (*майя*) на секунду, и не иначе, так как тело *девы* начинает постепенно, с минуты освобождения из земных оков, изменяться: с каждым переходом из одной сферы в другую она теряет кое-что из своей объективности, делаясь все неуловимее. Она-де рождается, живет и умирает в каждой новой сфере, или *локе*, которая становится все субъективнее и чище; а в переходных состояниях она «дремлет в акаше» – в эфире. Наконец, освободясь от последнего земного помышления и греха, она становится *ничем* в вещественном смысле. Она потухает, как пламя, и, слившись в одно с Парабрамой, живет в вечности жизнью духа, о которой ни наши материальные концепции, ни язык не в состоянии создать себе представления. Но «вечность» Парабрамы не есть «вечность» души. Последняя, по выражению *Веданты*, есть вечность в *вечности*. Насколько ни была бы жизнь души святою, но так как она имела свое начало, как и свой конец, то и заслуги, как и грехи ее, не могут награждаться или наказываться «вечностью Парабрамы». Это было бы противно справедливости, «несоразмерно», говорит философия *Веданты*. «Один дух живет в вечности, не имеет ни начала, ни конца, ни окраин, ни границ, ни центральной точки». Дева живет в Парабраме, как капля воды в океане, до будущего возрождения мира из *пралайи* (периодически наступающий хаос, разрушение или, скорее, исчезновение всех миров из области объективности). С новым великим циклом – *махауэг* – она <В «Московских ведомостей» далее: снова> отделяется от «вечного», притягиваемая жизнью в объективных мирах, как капля воды притягивается солнцем, и конкретизируется по обратной дороге на землю из сферы в сферу, пока снова не опустится в грязь нашей планеты и, пройдя малый цикл, снова не начнет подниматься на противоположной стороне круга. Так она вращается в *вечности* Парабрамы, переходя от одной концепциональной меньшей вечности в другую. Каждая из этих «человеческих», то есть доступных уму, вечностей состоит-де из 432000000 лет объективной и стольких же субъективной жизни в Парабраме (где индивидуальность души, по учению *Веданты*, вовсе не исчезает, как то полагают некоторые европейские ученые), то есть всего 864000000 лет. Эта цифра достаточна, по их понятиям, как для искупления самых ужасных грехов, так и для пожинания плодов добрых дел такого скоропроходящего периода как жизнь человеческая. Одни души *бхутов*, когда в них угасает последняя искра раскаяния и желания заглядеть грехи, *испаряются* под конец. Тогда их божественный, неумирающий дух, отделяясь от души навсегда, возвращается к своему первобытному источнику, душа рассеивается на свои примордиальные атомы и *его* погружается во <В «Московских ведомостей»: в> мрак вечного бессознания. Ее личность пропадает. Такова философия *Веданты* касательно духовного человека. Поэтому индусы и не верят в возврат духов на землю, кроме случаев *бхутов*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

«Майявирупа (санскр.). “Иллюзорная форма”; “двойник” в эзотерической философии...» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 244.*)

Конкретироваться (*фр. concréter*) – делаться густым, плотным.

Примордиальный (*англ. primordial*) – первый, изначальный.

⁹⁶ В «Московских ведомостей»: она, наша душа.